

ЕВГЕНИЙ НОСОВ

ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ

Рассказы

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ ЕВГЕНИЯ НОСОВА

Последние его рассказы. Последние, какой-то особой чуткости и мягкости, слова, которые только он умел расположить даже в самом суровом и драматическом тексте так, что они давали утешение и просветление. Последние мысли о войне и природе, о самом важном, что составляло весомую суть его творчества. Мысли о войне и боль войны — той, Великой, Отечественной, которую не могли затмить никакие трагические события последних пятнадцати лет; более того — в эти-то годы и потребовалась новая и решительная защита всего, что защищалось тогда. И сострадание к приютившему нас на земле миру природному, к «братьям нашим меньшим», к птицам малым, ко всему, что нас окружает, — сострадание, которое не должно быть теснимо никакими бедами сырых и обездоленных в человеческом племени. Для Евгения Носова эта боль о войне и это сострадание к «меньшим» — что-то краеугольное, незаменимое, опорное в нравственном строении человека и общества, простирающее свое влияние на всю их дальнейшую судьбу. О грехе непогребения павших в Великую Отечественную он скажет: «Это ж они, не прикрытые землей, теперь не дают ходу России. С таким неизбывным грехом неведомо куда идти... Сохнет у народа душа, руки тяжелеют, не находят дела... И земля не станет рожать, пока плуг о солдатские кости скрежещет... Оттого и не знаем имени себе: кто мы?» Так же не умеющий заметить голода и холода птиц, остающихся зимовать на родине, не заметит и людского голода и холода. И околет в конце концов сам от нечувствительности и сердечной недостаточности.

По этим рассказам видно, насколько в прекрасной писательской форме до последнего дня оставался Евгений Иванович Носов. А ведь ему было 77. «Уже к последним рядкам укос подобрался: к двадцать пятому да к двадцать шестому году» — это из рассказа «Памятная медаль», одного из прощальных, завещательных, написанных под занесенной косой. Но как написанного, как выпетого, с какой щедростью сдобрено золотой россыпью русского языка! Подобное долгожительство неувяда-

шего таланта, даже в одном ряду с классиками, случается редко. Такое впечатление, что его неубывающий творческий запас и не мог убить, его духовная и нравственная чуткость, его мудрость и добродушие и не могли иссушиться, потому что личное, индивидуальное находилось в нем в непрекращающейся связи со всем лучшим, что сохранилось в нашем народе. Творческий источник писателя Носова, наделенного таким «сообщением», был неиссякаем. Невольно любишься: сколько добрых, светящихся ласкательных слов находит он для самой суровой военной поры, — и когда находит? — почти в подобное же лихолетье! Но без них, считал он, нельзя. И пока не надышит он каждое слово добром и теплом — не поставит.

Невольно вспоминаю я, как в году 1989-м или 90-м, когда всюю уже правили бал в нашей стране пустые и злобные люди, когда окаянство, как государственный флаг, почти постоянно витало над улицами и площадями, мы с Евгением Ивановичем оказались в одной московской гостинице и по вечерам сходились у меня на чай. Жалобы и требования, разоблачения и ультиматумы, угрозы и подлости — едва ли не одни только эти жанры и были тогда в обществе в ходу. И вдруг Евгений Иванович показывает мне массивную общую тетрадь, с клеенными в нее газетными вырезками и собственноручными записями о благородных человеческих поступках, которые, несмотря на непогоду, не вымерли и не попрытались в укрытия, а оставались среди нас. Думаю, эта тетрадь с особой летописью добросклонности нашего народа сохранилась где-нибудь среди бумаг Носова. А может быть, и не одна. «Помогает?» — спросил я тогда в гостинице, перелистывая тетрадь. Евгений Иванович покряхтел-покряхтел и отвечать не стал. А ответил он на него всей своей работой за последнее десятилетие.

Уверен, что в рассказе «Памятная медаль» Евгений Носов продолжил негласный спор со своим другом Виктором Астафьевым о том, как следует им, фронтовикам, писать войну. После публикации романа «Прокляты и убиты» он отправил Астафьеву большое письмо, по пунктам разъясняя, где и почему он расхохотался с автором романа. К чести Астафьева, он напечатал это письмо в своем собрании сочинений. Но не согласился с Носовым. В войну они, тот и другой, были окопниками, знали ее из самого нутра, помнили каждой клеточкой своих израненных тел, и вдруг оказалось, что в нравственной оценке событий их воспоминания расходятся, будто один наблюдал их только глазами, а второй еще и сердцем. Война — штука жестокая, самая жестокая из всего, что существует в мире; Евгений Носов испытал ее на своей шкуре не менее, чем Астафьев, и описывал не однажды, а в конце описал и в «Памятной медали». Война умеет ожесточить людей. Но по нравственному статусу писателя бывший воин не имеет права ожесточаться и переходить на тот грубый язык, на ту скверну окопного бытия, отдаваться, как клятвенный свидетель, тому низкому и звериному, без чего никакая война не обходится, и делать из этого окончательные выводы. Правда события не есть еще историческая правда. И тем более это не духовная правда и не художественная, принятая в литературе. Смертью персонажа можно грубо, как дубиной, пришибить читателя, а можно его и вдохновить. Вот эту ответственность писателя и чтит в себе Евгений Носов, автор «Усвятских шлемоносцев», повести, бесспорно, самой пронзительной и печальной о начале войны, известие о которой застаёт жителей деревни Усвяты за сенокосной страдой, но и самой вдохновенной, духоподъемной повести, когда парни и мужики вынуждены переодеваться из крестьянского в ратное. Оратай, т. е. пахарь, и ратник, т. е. воин, слова однокоренные, так случалось прежде в крестьянской России множество и множество раз: сегодня ты с сохой, а завтра с мечом. Они уходят, эти усвятские шлемоносцы, далеко-далеко от родных околиц, но уходят не с обреченностью пушечного мяса, а со священной решимостью отстоять землю предков.

В шлеме танкиста, водителя Т-34, один из них предстает перед нами теперь в рассказе «Памятная медаль». И с какой же любовью, с каким мастерством он написан! Какие были люди!

И есть — считал до последнего своего часа русский писатель Евгений Носов. А ему можно верить. Никогда ничего, не утвердившись в своей правоте, он не сказал.

Валентин Распутин